

Юрий

Крохин

НАШЕЙ ПАМЯТИ ЧУТКИЕ КОНИ

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят...

А. С. Пушкин

О произведениях друзей или литераторов, чье творчество тебе близко, пишут, как правило, комплиментарно. Да и как иначе? Ведь ты знаешь автора – ну если не как себя самого, то достаточно хорошо; видишь симпатичную тебе личность, воплотившуюся в поэтические или прозаические строки. Закрываешь глаза на возможные огрехи, – не в них суть. Взнуздываешь критическую беспристрастность – и все же не в силах одолеть благожелательного расположения к новому сочинению своего собрата. Хотя бывает и иначе. Неистовый Виссарион, отдававший должное пушкинскому гению, весьма невысоко оценивал «Повести Белкина». И еще. «Эта поэмка, которая могла бы составить главный капитал известности для иного поэта, у Пушкина есть только роскошь, избыток, который тратится без внимания и без сожаления», – скептически отозвался о пушкинском шедевре «Граф Нулин» Белинский...

Ваш покорный слуга некогда не одобрил некоторые прозаические опыты своего старого товарища Сергея Муравина (не стану раскрывать псевдоним), что, однако, не помешало нашим хорошим отношениям. Но все-таки я остаюсь в убеждении, что рецензии и статьи критиков определенно не могут – да и не должны! – претендовать на объективность. Хотя – как знать? – возможны варианты...

Но в данном случае меня не упрекнуть в дружеской предвзятости, слишком кратким, к сожалению, было наше личное общение. С Жан Бахытом я душевно сошелся, когда мы встретились в Москве; в тот день он улетал в Алматы (мне-то привычней – Алма-Ату), подарив мне на прощание несколько томиков своих стихов и прозы. И вот – новый чудесный подарок. Книги прозы, выпущенные издательством «Жибек жолы» совсем недавно: «Иноходец судьбы» (2019) и «Летний кинотеатр» (2020).

Жан Бахыт увенчан многими наградами и почетными званиями. Он широко известен и признан на родине, в Казахстане, в России (Бахытжан пишет по-русски) и во многих странах зарубежья; его произведения переведены на европейские и даже вполне экзотические языки. Бахытжан Канапьянов отлично использует свой

творческий инструментарий. Поэзия, переводы, редакторские труды, проза, – всем арсеналом литературных жанров и средств он владеет мастерски, очевидно, памятуя высказывание Михаила Булгакова, заметившего, что проза и драматургия необходимы ему как правая и левая рука пианисту.

Важно отметить: что бы ни делал на литературной ниве Жан Бахыт, к каким бы формам творчества ни обращался, в его произведениях неизменно главенствуют общечеловеческие, гуманистические темы. Некоторые из литераторов поколения Канапьянова (он родился в 1951 году), погружившись в реалии XXI века, порой забывают, что совсем еще недавно по историческим меркам все мы жили в одном государстве, и судьбы народов, населявших его, теснейшим образом переплелись, а «...русская речь была и осталась “окном” в мировую культуру. Атмосфера дружбы народов сформировала Бахытжана Канапьянова». Так высказался о своем слушателе Станислав Лесневский, у которого Бахытжан занимался в поэтическом семинаре на Высших литературных курсах в Москве (другим его наставником был Александр Межиров). А открывшиеся в конце 80-х – начале 90-х границы, падение «железного занавеса» вернули нас в многоликий мир, окрепи культурные связи народов, возможным стало личное общение поэтов, писателей, художников, взаимное духовное обогащение...

При этом Бахытжан Канапьянов, которого напутствовал в юности мэтр казахской и советской литературы Олжас Сулейменов, остается прежде всего казахским поэтом, литератором ярко выраженного национального характера.

И это хорошо и правильно, как говорил Михаил Зощенко. Таково, видимо, свойство истинного таланта: прикасаясь, как Антей, к клочку родной почвы, описывая ее людей, быт, нравы и предания, подниматься к вечным, всечеловеческим темам. И куда бы судьба ни заносила художника, ареной действия становятся по преимуществу отеческие края: у Джойса – в Дублине, у Бунина – в России, у Искандера – в Абхазии. У Жана Бахыта – в казахских степях, в аулах Казахстана...

«Человек всегда должен, хотя бы раз в десять, в пять лет, навещать свою малую родину, даже если ничего не осталось от бывшего аула, да и нет уже того аула, что был в нашем понимании, – пишет он в повести «Иноходец судьбы», давшей название сборнику. – И родные и близкие, отец и мать, завещали предать их земле именно на родине предков, где такой простор и небесный свод, что, кажется, звезды лежат в траве. И что-то эпическое в этом есть. И музыкальная сфера родной казахской степи, разумеется, и горных вершин, ибо казахская степь – понятие чисто условное. И эта музыкальная сфера ночного неба и звезд сродни органу, хоралу – от цокота копыт былых аргамаков до верхней струны домбры. И велик народ, живущий на этой древней и молодой земле...»

Читая эти строки, нельзя не почувствовать, что принадлежат они, конечно, поэту, тонко и глубоко воспринимающему божественную симфонию дорогой сердцу земли, «музыку сфер». Что это за свойство? Конечно, особенный эмоциональный строй души. Вероятно, и некие психофизические особенности; так, скажем, человеку, лишенному музыкального слуха, самая прекрасная гармония представляется какофонией звуков, а для дальтоника буйство красок – нечто монохромное, серое. Но природа, лишив некоторых особей драгоценной способности восприятия своих богатств, щедро наделила счастливых – поэтов,

музыкантов, художников талантом многогранного мирочувствования. «Каждый пишет, как он слышит», – утверждал Окуджава. Жан Бахыт, как немногие, слышит эту «музыку сфер»...

Но можно еще предположить, что в неких таинственных недрах личности просыпается прапамять, дремлющие в глубинах сознания ощущения кочевника, скитавшегося со своими табунами коней и отарами овец, присевшего у ночного костра или встречавшего в степи рассвет, обонявшего немислимые ароматы.

Нашел подтверждение своей догадке в повести Бахытжана «Тамга Иссык-Куля» (2009 г.):

«Оседланный конь ревниво и с некой укоризной взглянул на меня, потомка конно-кочевой цивилизации. Его взгляд как бы говорил о том, что я позабыл великое прошлое своих предков, позабыл, если вновь бреду пешком, опираясь на заранее приготовленную палку».

Эти соображения сами собой возникают, когда читаешь образную, историософскую и, рискну сказать, стереофоническую прозу Бахытжана Канапьянова.

Нет, он не позабыл прошлое! Поэт в своих рассказах и повестях воскрешает былое, обращается к событиям и ощущениям давно минувшего, органично вплавляя в художественную ткань повествования собственные воспоминания. Память детства неотступно живет в сознании взрослого, умудренного опытом человека.

И как по тропинке мальчик бежал,
По забытой тропинке,
И как по арыку плыл лист пожелтевший,
Лист пожелтевший,
И как по дороге, впрягшись в телегу,
Шла лошадь понуро,
И как по щеке слеза пролегла,
на губах горький привкус.
Высохли слезы, сгнил лист пожелтевший,
А мальчик остался.
Птицы исчезли, скрылась лошадка,
А мальчик в матроске
Стоит на обочине детства,
Взглядом меня провожая...

О, эта дивная вселенная детства! Счастлив тот, кто и в зрелые годы сумел сохранить взгляд на мир широко раскрытых доверчивых глаз ребенка, непосредственность восприятия окружающего, чистую веру в разумность и доброту всего сущего!

«...дойдя до определенного возраста, начинаешь понимать, разумеется, не сразу, не вдруг, но осознаёшь, согласно состоянию души, что сака твоего детства уже никогда не встанет на алшы, и навсегда останется только в памяти, не раз возвращая тебя во сне в неповторимую страну детства, туда, где был первый мушель, откуда все мы родом, как говорил когда-то в своей бессмертной сказке французский летчик-писатель. Хотя ничего странного нет, просто ты вошел в тот самый период жизни, когда воспоминания о былом, и только они, приходят на

смену мечтам юности и молодости, многие из которых так и не воплотились, а те, что отчасти сбылись, пополнили собой эти самые воспоминания, что теснятся в памяти, наплывают ненароком, невзначай, в эти поздние часы земного бытия».

... Меня, может, упрекнул, что, рассуждая о прозаических вещах моего друга Жан Бахыта, цитирую и стихи, – на это ответчу: потому и привожу стихотворные строчки, что, как сказано уже, проза Канапьянова – это проза поэта, в которой, по точному замечанию Александра Жовтиса, слышна «словесная музыка» Паустовского, патриарха отечественной литературы, блистательно использовавшего лексические и интонационные сокровища нашей речи.

Известная формула Кольриджа, характеризующая поэзию как лучшие слова в наилучшем порядке, применима, полагаю, и к прозе. Иосиф Бродский уточнил: поэзия – это высшая форма существования языка. «Чисто технически, конечно, она сводится к размещению слов с наибольшим удельным весом в наиболее эффективной и внешне неизбежной последовательности. В идеале же это именно отрицание языком своей массы и законов тяготения, это устремление языка вверх или в сторону – к тому началу, в котором было Слово». Но кто возразит, что и стихи порой бывают корявы, и проза, случается, косноязычна и убога. В лучших своих проявлениях, уверен, проза поднимается до высот истинной поэзии и музыки...

Собственно говоря, так ли уж велика пропасть между поэзией и прозой? Иван Алексеевич Бунин, которого мы чтим как непревзойденного мастера русской прозы, считал себя прежде всего поэтом. Фазиль Искандер вспоминал: «Прозу начал писать лет в тридцать. Как раз в то время издали Бабеля. Я прочитал и был ошеломлен “Конармией”, одесскими рассказами. И тогда понял: принципиальной разницы между прозой и поэзией нет. Новеллы Бабеля это, в сущности, стихи в прозе...» А Андрей Белый с его ритмической прозой? Можно привести и другие примеры.

... Русский язык, несколько упрощая явление, именовали языком межнационального общения. Многие из литераторов национальных республик писали по-русски. И на то были веские причины. Так Чингиз Айтматов вспоминал, что главный редактор «Нового мира» Александр Твардовский посоветовал ему писать сразу на двух языках – русском и киргизском, но печатать вначале в Москве на русском, чтобы обезопасить себя от местных партocrats. Жан Бахыт соглашается с Чингизом-ага, как он почтительно именуется Мастером.

«Во всем этом прослеживается та самая творческая взаимосвязь и, если хотите, искренняя, сердечная поддержка интеллектуальной России и Москвы, как это всегда и было по отношению к Мухтару Ауэзову, Расулу Гамзатову, Василию Быкову, Ивану Драчу, Мумину Каноату, Иону Друцэ, Олжасу Сулейменову, Нодару Думбадзе, Эдуардасу Межелайтису, Тимуру Пулатову, Тимуру Зульфикарову, а также ко многим блистательным национальным именам громадной империи Страны Советов», – замечает Жан Бахыт. И в самом деле, столичные публикации существенно снижали градус вздорных претензий местных критиков. При этом, однако, возникала весьма деликатная проблема, которую в статье «Судьба поэта» обозначил Станислав Лесневский.

«Бахытжан Канапьянов пишет на русском языке. Но пишет с тайной (и открытой) тоской по языку предков и сородичей – казахскому языку. К естественной

для поэта муке «невыразимого» – «мысль изреченная есть ложь» – добавляется мука «измены». Изреченная на неродном языке, передастся ли мысль родного народа?»

Споры на эту тему велись издавна. Кем считать Гоголя, писавшего по-русски, – украинцем или русским? Есть, между прочим, легенда, что Николай Васильевич призывал украинских писателей писать по-русски, иначе их никто не будет знать. Какой литературе принадлежит Фазиль Искандер? Русской или абхазской? Наверное, я привел нехарактерные примеры. Тогда процитирую весьма точное наблюдение Орынбая Жанайдарова. В его рецензии на выход двух поэтических сборников Канапьянова говорится: «Будучи носителем двух национальных культур, творчески мыслящий человек не мог, да и, думаю, не смог бы отдать предпочтение одной из них. Обе они для него дороги, обе любезны его сердцу... в связи с этим я бы хотел сказать о том, что сам термин «казахские русскоязычные поэты» крайне неудачен. Если казахские, то какое значение имеет, на каком языке они пишут? Если русскоязычные, то при чем здесь казахские?»

Обратимся, однако, к прозаическим произведениям Жан Бахыта, собранным в двух томиках – «Летний кинотеатр» и «Иноходец судьбы».

Вот рассказ, давший название первому из сборников. Нет в нем вроде бы сюжета, – просто рассказчик вспоминает о том, что есть открытый, то есть летний кинотеатр, носящий имя Ахмета. Возникает сама собой цепочка видений: когда-то, во времена детства, прибегал он сюда с приятелями мальчишками смотреть новый фильм. Мест в огороженном пространстве не хватало, и детвора забиралась на ветви деревьев, высившихся вдоль саманных стен и, как зачарованные, глядела на экран, следя за приключениями Тарзана, забавными перипетиями музыкантов легендарного Глена Миллера и других персонажей фильмов тех давних лет, как «трофейных», так и отечественных. Старый киномеханик Ахмет не гонял безбилетных зрителей, а в День Победы и в День защиты детей пускал в зал под открытым небом бесплатно. Он прошел великую войну, совершая неприметное, но такое важное дело: в минуты фронтового затишья крутил бойцам любимые картины. И из предельно лаконичного, короткими штрихами набросанного портрета киномеханика возникает образ доброго и мужественного человека, умудренного долгим тяжелым опытом. Плавное течение повествования взрывается неожиданно: во время очередного сеанса Ахмета убивают какие-то пьяные бандиты! Для юного рассказчика и его друзей, да и взрослых жителей городка, это ужасное потрясение. Пройдут годы, пришлют другого киномеханика, – жизнь-то продолжается. И нынче мало кто из сидящих в зале знает, почему летний кинотеатр носит это имя. А знать надо – справедливости и правды ради. Нет в рассказе ненужного пафоса, выспренних слов, и эта сдержанность усиливает впечатление от прочитанного.

Повесть «Иноходец судьбы» Жан Бахыт посвятил известному казахскому ученому-экономисту и дипломату Берлину Иришеву. И не просто посвятил – в несколько юмористическом ключе описал вполне реальный эпизод из его многогранной деятельности на разных постах.

Оказавшись в служебной командировке в Париже, Берлин узнал о трудной ситуации, в которой оказались юные члены спортивной делегации и... восемь отборных скаковых лошадей из Алма-Аты. Приехав во Францию для участия в

юношеских военных играх, они застряли в чужой стране: не оказалось средств, чтобы расплатиться за гостиницу, питание и стоянку двух самолетов. Детей надо было отправить домой, в Россию, а скакунов – в Казахстан. Берлин ценой больших усилий находит необходимые средства, ребята летят пассажирским авиалайнером, а лошадей, среди которых выделяется красавец вороной иноходец, отправляют военно-транспортным АН-22. С ними летит и Берлин, испытывая некоторые неудобства путешествия на непригодном для пассажиров самолете...

«...есть четвертое измерение нашей жизни и судьбы, где душа и память несут бессмертие духа. Память – неистребимая плазма, вбирающая в себя это самое измерение нашего мира и нашего сознания, заполняет и зачастую переполняет безбрежное пространство нашей души. И есть нечто большее, чем просто приобретенный опыт бытия. Это нечто большее – мудрость, суровая и лукавая, степенная и внешне безразличная ко всему окружающему, погруженная в невидимые уголки памяти, изредка извлекающая оттуда, из колодца времен, ночные образы воспоминаний». Это размеренное философское рассуждение о таинственных свойствах нашей памяти, о «времен связующей нити» предвдвывает рассказ о парижских приключениях героя. А вспоминает эту историю Берлин, сидя у камина в своем кабинете и созерцая свою коллекцию статуэток коней – из мрамора и металла, хрусталя и разных пород дерева, привезенных из зарубежных поездок. И автор заключает: может, так и рождается эпос и фольклор двадцать первого века, как в далеком детстве, когда герой повести слушал сказителя «Кыз Жибек», сидя у костра в родном ауле...

«Среди разнообразного, в основном модернистского потока современной литературы... встречаешь вдруг написанную простым языком без всяких модернистских пассажей повесть Бахытжана Канапьянова “Светлячки”, после прочтения которой остается ощущение глотка свежего воздуха», – писала Зайтуна Кдралина о другом произведении сборника. Написанная на «зарубежном» материале, история малазийских Ромео и Джульетты незатейлива. Помимо юноши Кемала и его возлюбленной Лэчан в повести возникает и третий «герой» – мотоцикл «Хонда», гордость и страсть Кемала. Автор сравнивает машину с породистым жеребенком, ненароком выбегающим из табуна, но волей судьбы «двухколесный конь» Кемала погибает, как погибает любовь юноши и девушки. Толчком к возникновению этой лирической новеллы послужило пребывание Жан Бахыта в Малайзии; зоркий глаз писателя и его не менее изощренный слух выхватили из будней жизни далекой азиатской страны трогательный сюжет. Сказался, конечно, кинематографический «багаж» Бахытжана Канапьянова, – действие динамично, образы персонажей зримы. И вот что получилось: повесть понравилась переводчику-ориенталисту Виктору Погадаеву, который перевел ее на малайский язык. А национальное телевидение заинтересовалось произведением казахского писателя...

А вот рассказ (я бы, пожалуй, определил его жанр как эссе) с интригующим названием «Заморский гость». О чем же он? Да о такой вполне обыденной вещи, как банные веники! Меня, приверженца банных наслаждений, он заинтересовал чрезвычайно! Казалось бы, чего проще: купил на базаре (а нынче есть даже специализированные магазины) веник – и вперед, в парную! Но нет, все, оказывается, не так примитивно. И, читая проникновенную, восторженную лек-

цию о свойствах разных деревьев, чьи ветки используются в банном искусстве, воспринимаешь ее как гимн природе, расточающей человеку свои дары. И еще возникает неодолимое желание немедленно отправиться в парную! Вдохнуть ароматы березы, дуба, хвойных веток или даже, как в рассказе заморского гостя, эвкалипта. Очистить тело и душу, обновиться и подивиться жизни с ее нехитрыми плотскими радостями.

Вечное и сиюминутное присутствуют в рассказах и повестях Бахытжана Канпьянова, о чем сам писатель сказал так:

«...соседствуют два мира: мир текущего времени, который древние греки называли “панта реи”, и мир непреходящих ценностей, прекрасных образов, где человеческая личность, гордость, достоинство, власть добра и красоты непобедимы, не подвержены тлению и искаженному восприятию. Это священный храм, куда люди ходят охотнее, чем в мечети, ибо именно в храме искусства душа народа, его надежды, чаяния распускаются богаче, пышнее, прекраснее, чем все райские деревья и цветы в обетованном мусульманском эдеме».

В своего рода пантеизме, ненавязчивой философичности, полагаю, кроется обаяние поэтической прозы Жан Бахыта. Так повествует он в прелестной миниатюре о вишенке, которую судьба сберегла от участи ее сестер. Она не упала на дорожку между домами под ноги прохожим, не склевали ее воробьи и горлинки, не оборвали сорванцы-мальчишки. Осталась лишь рана на боку от воробьиного клюва, но спасла ее листва и продолжала вишенка зреть и наливаться соком. Но налетела осень, ее сменила зима, а весной новая плодоножка вытолкнула ее на асфальт. И старуха-уродина, пережившая цветение минувшей жизни, слышала лишь шуршание метлы дворника. Удивительна эта метафора – в ней легко прочесть мысль о скоротечности человеческой жизни с ее тревогами, горестями и неизбежным концом...

Не меньше впечатляет короткий рассказ, скорее даже притча, – «Жалгыз ағаш», что означает «Одинокое дерево». С предгорных пастбищ спускается со своей отарой в долину старый чабан. У берега горной речки старик устраивается передохнуть возле одинокого дерева – старой березы. И далее следует бессловесный диалог дерева и чабана. Береза спрашивает старика, как живут в горах ее братья и сестры, о которых здесь, в долине, она ничего не знает, обреченная одиноко выситься у горной реки. А чабан, глядя шершавый ствол, готов ответить, что тем и дорого это дерево людям, что оно единственное на всю долину, и долина эта – родина березы. И потому незачем скорбеть. И можно догадаться, что печалющаяся береза – это символический образ, это тоскующая душа человека, занесенного на чужбину. В нерасторжимом родстве человека и природы, будь то уцелевшая чудом вишенка или одинокая береза, – и состоит мудрость, только родство это, увы, не все чувствуют и ценят...

«Я, как китайская золотая рыбка, выискиваю среди водорослей притчи и сказания того или иного народа. И эти мотивы на молекулярном уровне присутствуют в ткани моей прозы», – говорит Жан Бахыт. Эта всемирная отзывчивость писателя (слова Достоевского) придает его прозаическим миниатюрам невероятное обаяние и глубину, свойственные лучшим образцам фольклора.

В этом отношении особый интерес представляет замечательная повесть «Тамга Иссык-Куля», занимающая, как мне кажется, очень важное место в творчестве Жан Бахыта.

Драматическая история японского солдата Мияно Ясуши из Квантунской армии разворачивается на берегу изумрудного озера, куда его вместе с другими военнопленными забросила судьба. Не сделавшему ни единого выстрела 19-летнему юноше, можно сказать, повезло: он и его товарищи по несчастью оказались в благословенном краю, где прекрасная природа хранит предания глубокой древности. Здесь в неразрывном единении обитают люди, животные, произрастают деревья. «Там, где слегка видны зеленобокие холмы, а за ними обрываются древними моренами ледники, вот уже не одно столетие паслись черные горбатые яки – топазы. Тяжеловесные, они прекрасны своим устрашающим видом. Вместе с молоком и мясом яков в горных жителей вливается сила и молодость их поднебесного мира». В этом мире бытует легенда о жизни и судьбе горного животного. Старый як, завершая жизненный путь, спускается с горных вершин в долину смерти на берег озера жизни, Иссык-Куля. Однако несколько глотков живой воды возродили душу животного, и она воплотилась в крылатого скакуна, взмывшего в небесные выси...

Наделять животных человеческим сознанием – прием в литературе не новый. Вспомним хотя бы историю сторожевого пса из повести Георгия Владимова «Верный Руслан». Или рассудительного мула из «Рассказа мула старого Хабуга» Фазиля Искандера. Такой взгляд как бы со стороны позволяет трезво и непредвзято оценить людей и события, придав многомерность повествованию...

Сказание это, замечу, вполне уместно соединено с движением рассказа, герои которого Мияно и Сабуро в сопровождении охранников едут за яком, дабы было чем накормить военнопленных. А потом везут вниз, в долину, старое животное, и як покорно и обреченно подчиняется людям, словно понимая, что его ждет. В кыргызской юрте японцев угощают зеленым чаем, и старший из них, Сабуро, вспоминает о чайной церемонии, принятой на родине, рассуждает об искусстве икебаны, которое «может быть прочитано и на самом глубинном, философском и религиозном уровне».

И еще важный в смысловом отношении вираж сюжета совершает Жан Бахыт. Купаясь в небесном озере, Мияно обнаруживает жертвенный котелок с какими-то металлическими украшениями. А на боку котелка виднеется... свастика. Растолковать происхождение загадочных символов начальство приглашает женщину ссыльную, Янгу Цыбульскую, историка по образованию. Тибетская свастика, объясняет она, – символ огня и вечного движения. Этот знак связан с культом Солнца и с VII века до нашей эры входит в буддийскую символику, означая тайную доктрину Будды. «У народов Индии и Ирана этот знак воспроизводился на древних монетах еще до нашей эры, во времена Авесты, проник в Китай и даже в Центральную Америку, где у народов майя олицетворял круговорот Солнца».

Все в этом мире связано и переплетено: легенды и мифы, символы и религиозные верования, языки и обряды разных народов, и незачем вести бесплодные споры, чьи боги более правильные, чья религия древнее. Любовь к ближнему, милосердие и справедливость, – вот что важнее, вот на чем стоит свет и чего так не хватает нам...

Цыбульская замечает, что свастика не пугает ее, польскую еврейку, знающую, что, изменив расположение сторон, нацисты включили его в свою человеконенавистническую идеологию. И добавила: не следует путать историю с мракобесием, с фашистской чумой...

Пересказывать содержание повести, тем более столь обильные сведениями, далеко не всем известными, занятие явно неблагодарное. И потому даже центральный, полудетективный эпизод – бегство японца Тосиро с его возлюбленной, кыргызской девушкой Чолпон, приходится оставить без внимания. А вот финал, величественный, как последние раскаты органной фуги, хочу процитировать. Спустя целую вечность восьмидесятилетний старец Мияно Ясуши посетил те места на берегах небесного озера, где тосковал по далекой родине и все-таки был счастлив, неспешно прошел всю лестницу, что строил он и его товарищи.

«Мияно Ясуши ступил на последнюю, сто двадцать пятую ступень. Это была его ступень – самого молодого японского военнопленного. И хотя с годами надстраивали другие люди другие ступени этого терренкура, Мияно Ясуши нашел ее, свою ступень прожитой здесь юности.

Он исполнил свой долг перед ушедшими из жизни товарищами. Он помянул каждого из ста двадцати четырех, пройдя по ступеням их земной жизни».

Все миновало, – война, плен, тяжкие испытания, возвращение в Страну Восходящего Солнца. Прожита жизнь, но то, что испытал в этих прекрасных краях японский юноша, оставило неизгладимый след в душе, – такова глубоко символическая концовка повести...

Историософские отступления, естественным образом растающие в основной сюжет произведения, равно как и короткие притчи, я бы не стал считать некоей перебивкой или «рекламной паузой». Мне думается, они, напротив, усиливают интеллектуальное напряжение, являются определенными эмоциональными акцентами прозы Жан Бахыта.

И еще одну тему разрабатывает писатель в некоторых произведениях. Тему чудовищных страданий и бедствий, выпавших на долю целых народов, что населяли Советский Союз.

Рассказ «Бахчисарай» написан от первого лица. Мальчик вспоминает старика Кемалю, который в местности, мало пригодной для садоводства, превратил свой клочок земли в пышный цветущий сад. Возясь со своими растениями, старик время от времени напевает-бормочет: «Бахчисарай, Бахчисарай». Отец объяснил мальчику, что это – городок в Крыму, где находился дворец крымских ханов, а переводится загадочное слово как Город-сад. В книжке, привезенной отцом из Крыма, мальчик прочитал древнюю легенду о трех змеях, которую и пересказал однажды Кемалю, страшно взволновав старика.

Не стану цитировать рассказ; скажу только, что у трагической истории репрессированных народов (в данном случае речь о крымскотатарском народе) благополучный финал так и не наступил. Я сам, побывав в советские времена в Узбекистане, встречал потомков высланных с Кавказа турок-месхетинцев, немцев Поволжья. Изгнанные с родных земель, уцелевшие переселенцы укоренились в чужих краях, преодолевая трудности, как-то наладили жизнь, вырастили детей. Надо, однако, подчеркнуть, что простые казахи, народ Степи, видели в них не просто ссыльных, но в первую очередь таких же по облику и подобию близких людей, попавших в беду, страдающих и нуждающихся в помощи и сочувствии. И, конечно, помогали выстоять, делились последней лепешкой. И об этом помнят представители этих народов – поволжские немцы, народы Крыма и Кавказа.

Но в генетической памяти людей хранятся и передаются из поколения в поколение предания исторической родины, язык и традиции, мечты и надежды когда-нибудь вернуться в отеческие края. И юный герой рассказа, не осознавая еще детским умом всей глубины трагедии старика, прикасается к ранам, нанесенным народам бесчеловечной тиранией Большеусого (так именовал Фазиль Искандер злого гения всех времен и народов).

Беды, как из рога изобилия сыпавшиеся на страну и ее народы, уродовали как тела, так и души. В 30-е годы прошлого столетия кремлевский горец в угоду своим людоедским планам начал кампанию раскулачивания. Об этой жуткой странице истории написаны тома исследований, предъявлены ужасающие свидетельства. Бахытжан Канапьянов обходится без нагромождения страшных подробностей, эпически повествуя о событиях тех дней в рассказе «У реки».

...На севере Казахстана, почти на границе с омскими землями, был аул Тюре-Тумсук. Когда герою рассказа Мукашу было десять лет, на аул надвинулся голод – следствие конфискации зажиточных хозяйств. У каждого, кто имел живность, даже небольшое поголовье лошадей и овец, отбирали все, зачисляя хозяев в баи. Не спасала и ловля рыбы, рыбная похлебка не унимала сосущее чувство голода...

«Люди Тюре-Тумсука вначале держались в стороне от этих напастей новой власти и старались сообща пережить эту страшную зиму, когда свирепый джунт лишил их аул больше половины поголовья овец, а после весны уполномоченные зачастили и на земли Тюре-Тумсука, пересчитывали оставшийся скот и затем забирали его, оставляя аулчан на полуголодное существование. А тех, кто пререкался или оказывал сопротивление, увозили с собой, размахивая какими-то мандатами и угрожая наганами».

Обреченные на голодную смерть, оставшиеся в ауле главы родов решили сняться с обжитых мест и двинуться в омские земли. И отрядили трех отважных жигитов – угнать лошадь из числа отнятых властями. Опасная экспедиция завершилась успешно, кобыльим мясом накормили оставшихся жителей аула. Сироты, дети безвинно сгинувших жителей аула, выросли, один из них, Муса, стал учителем истории. А Мукаш, едва поступив в учительский институт, ушел на фронт. И, может быть, самое болезненное в этой истории – не убитое для спасения жителей аула животное, а то, что случилось с людьми, старыми и молодыми...

«Они были признательны той самой власти, благодаря которой и появился новый уклад их когда-то кочевой жизни, той самой власти, которая лишила их самого дорогого, ничем и никем не заменимого – их родителей, дав взамен этот казенный порядок существования, но при этом щедро одарив знаниями и новыми ремеслами, загнав в дальние глубины сознания и цепкой неумирающей памяти этих молодых людей, ровесников этой самой новой власти, неутолимую тоску по простой родительской ласке».

Большинство произведений мастеров слова в той или иной мере автобиографичны. Примеров тому – великое множество. В гениальном пушкинском романе в стихах помимо Онегина встречаем мы и самого поэта. В «Анне Карениной» легко прочитывается образ и характер Льва Толстого. Раскольников Иван Бунин напрямую связывал с личностью нелюбимого им Достоевского, – что, впрочем, спорно. Во многих произведениях Жан Бахыта, несомненно, присутствуют автобиографические детали.

Перепахивая в раскаленном тигле творчества художественный вымысел и впечатления собственной жизни, писатель не удаляется от реальности, а, напротив, обогащает свою палитру, «глаголом жжет сердца людей». Воскликая вслед за Антуаном Сент-Экзюпери: «Я родом из детства!», Жан Бахыт вольно или невольно следует этому мудрому высказыванию. И, рассказывая историю молодого перспективного боксера Сакена (повесть «Удар вне ринга»), писатель окунается в те далекие дни, когда сам он легко и грациозно, словно в танце двигался по замкнутому канатами пространству ринга, отражая и нанося удары, встречался в бою с разными противниками, честно боролся за победу. И победы были! В 1968 году Бахытжан Канапьянов, кандидат в мастера спорта, стал чемпионом Казахстана среди юниоров. Вот откуда такое знание деталей этого достаточно жесткого вида спортивных единоборств, понимание спортивной этики. Повесть заканчивается неожиданно. В одном шаге буквально от победы, сулящей звание мастера спорта, Сакена признают... побежденным! Судейское решение, очевидное своей несправедливостью, настолько потрясает юношу, что, покидая ринг, он наносит свой коронный удар, короткий хук, тренеру, который так предательски, подло подставил его. Спортивная карьера оборвалась, Сакена дисквалифицировали. Но неписанный кодекс боксера соблюден, зло наказано...

Бывает так, что в детстве нашем мелькает некое знамение, звучит какой-то неуловимый сигнал, смысла которого ребяческое сознание не улавливает. Каких только интересных событий не происходит вокруг! Любопытно же заглянуть в колодезь, куда опускают для охлаждения бидон с молоком, а из него вылетает эхо! Стоит остановиться возле дома, где помещается общество глухонемых, а дважды в неделю показывают кино. И в совершенно обычном походе за хлебом случается встреча, которую можно назвать судьбоносной. Мальчик прибегает в одну лавку – а хлеб там вчерашний, зачерствелый. Отправляется дальше, в следующую лавку, и встречает отца, вместе они отправляются в городской сад, где выступает известный писатель. Впрочем, ребенок еще не знает о нем ничего, его больше интересует количество пуговиц на костюме писателя. А книгу с автографом писателя он сунул в авоську с хлебом...

«И в доме мальчика собралась вся семья – отец и мать, братья и сестры, няня. И был душистый, вечерний хлеб, белый и черный, и была книга писателя, которую отец плавно и певуче уже читал вслух маме, подчеркивая интонацией самые примечательные места».

И оказалась та мимолетная встреча с писателем знаковой. Мальчик вырос, стал известным поэтом, издателем, выпустившим не одно собрание сочинений, как легко понять, классика казахской и мировой литературы Мухтара Ауэзова. И вдыхая запах типографской краски свежего тома, вспоминает хлебный аромат того вечера...

В повести «Дань Всевышнему» пунктиром обозначена история семьи автора, представителей разных поколений, каждого со своей биографией, что, впрочем, несколько не утомляет читателя. Подробности живы, интересны, поучительны, порой забавны. Так автор припоминает эпизод – поездку с женой и сыном в Москву на съезд писателей. В пути членов делегации осыпали гостинцами, в том числе канистрами с верблюжьим и кобыльим молоком, шубатом и кумысом. От жары

и тряски дар приаральских степей перебродил, и в номере гостиницы «Россия» канистры рванули, наполнив мощным ароматом помещение. Маленькому сыну автора, Ике (имя – дань любимому писателю, Фазилу Искандеру, и в частности, напоминание о книге «Детство Чика»). Кстати, Фазиль Абдулович объяснял, что имя маленького героя рассказов произошло от уменьшительного Фазильчик), настолько запомнился запах, связанный с московскими впечатлениями, что, впервые оказавшись в юрте табунщика в родных краях, он заметил: пахнет, как в гостинице «Россия»...

То есть по-детски непосредственно поменял последовательность, сопоставив ароматы юрты с благоуханием гостиничного номера. Прелестная яркая деталь! И завершается повесть следующим взволнованным пассажем:

«Дорогие мои родичи! Слава Всевышнему и небесному божеству Тенгри, что дети мои застали вас в своем далеком уже детстве живыми и здоровыми, веселыми и мудрыми.

Они, спустя годы, признательны вам, что окружили их своей лаской и заботой. Но время стремительно вращает шестеренки своего хронометра и неумолимо оно, время, своей безвозвратностью. И нет уже рядом с нами многих из вас, проживших прекрасную жизнь, полную радости и тревог, любви и печали бытия. И всегда и везде вы были хранителями семейного очага, во имя детей, внуков и правнуков. Во имя нас с вами, дорогие мои!»

Сборники «Иноходец судьбы» и «Летний кинотеатр» адресованы, в первую очередь, молодым читателям. Не сомневаюсь, что для юной аудитории это захватывающее и весьма познавательное чтение; рассказы, повести, эссе и притчи, их составляющие, вместе с тем заставляют думать, сопоставлять, мобилизовать собственное воображение. Они, что немаловажно, отсылают читателя к казахскому эпосу, к мудрым сказаниям «Кыз Жибек», мотивы которого звучат на страницах книг, к истории и культуре великого народа степей. Я уже никак не принадлежу к категории читателей, которых принято считать молодыми. Однако, раскрыв книгу, уже не мог остановиться, пока не перевернул последнюю страницу. И испытал радостное волнение, познакомившись с прозой большого мастера.

* * *

Осенним прохладным днем сидели мы втроем в симпатичном ресторанчике на Большой Никитской. Такой мини-интернационал: казах, армянин и русский – Бахытжан Канапьянов, Сергей Мнацаканян и я, Юрий Крохин. Курить выходили во дворик – дворик той самой усадьбы Ростовых, что описана в «Войне и мире». И было это очень символично и знаменательно! Ибо разговоры наши, как легко догадаться, велись о литературе.

Мой старинный друг Сергей представил меня Бахытжану, и с первого мгновения я расположился к этому невероятно обаятельному, мудрому и эрудированному человеку. Разумеется, я напомнил Жан Бахыту стихи Леонида Мартынова о Достоевском, «сосланном к черту в турки» и ведущим разговор со знаменитым Чоканом Валихановым. Жан Бахыт улыбнулся и объяснил мне, несведущему, что казахский друг Достоевского – его далекий предок. И еще больше поразил меня, сообщив, что он к тому же – один из многочисленных

потомков Чингисхана, чингизид. Соприкосновение с такой древностью потрясло меня до глубины души.

Вернувшись домой, бросился читать подаренные мне Жан Бахытом книги и открыл для себя прекрасного поэта, умного и доброго прозаика, философа. Бесконечно благодарен судьбе и Сергею Мнацаканяну за эту встречу. Наша дружба – к сожалению, только виртуальная – продолжается. И, верю, будут новые радостные встречи и душевные беседы. И я прочту новые тома стихов и прозы Жан Бахыта.

А в заключение – древняя молитва, которую произнес Жан Бахыт у священного камня на берегу Иссык-Куля, размышляя о судьбе Миято Ясуши и других людей, родных и близких.

«Боже, даруй мне просветленность, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество, чтобы изменить то, что я могу, и мудрость, чтобы увидеть разницу; дай мне жить сегодняшним днем, радуясь каждой минуте, принимая трудности лишь как тропинку к миру; дай мне принимать этот мир таким, какой он есть, а не таким, каким бы я хотел его видеть; дай мне верить, что ты все устроишь так, как надо, если я повинуюсь твоей воле, дабы я мог быть по-настоящему счастлив в этой жизни и в высшей степени счастлив в будущей. Аминь».

Москва, март 2021 г.

В июле 2021 года отмечают:

80-летие

Рысалды ТОКЕЕВА, *поэт*

70-летие

Зейнолла АКИМЖАНОВ, *поэт, переводчик*

60-летие

Серик НУСИПУЛЫ, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

